

Ю. П. Лежнина

ИНСТИТУТ СЕМЬИ В РОССИИ: НА ПУТИ ТРАНСФОРМАЦИИ

DOI: 10.19181/snsp.2016.4.2.4271

Статья подготовлена в рамках работы над проектом Института социологии РАН «Социальная модернизация и социокультурная динамика российского общества» (2014–2016). Руководитель: д.соц.н., проф. Н. Е. Тихонова

Лежнина Юлия Павловна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Россия, Москва, 101000, ул. Мясницкая, 20; старший научный сотрудник, Институт социологии РАН. Россия, Москва, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
E-mail: lezhnina@list.ru
Тел.: +7 (495) 670 27 40

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния института семьи в современной России. В условиях протекания социально-демографической модернизации, оставаясь терминальной ценностью, семья подвергается активной трансформации с размыванием традиционных норм и моделей отношений. На основе анализа эмпирических данных в статье демонстрируются изменения в отношении россиян к браку, родительству, гендерным ролям. Автор показывает, что семья и дети включены в так называемую «жизненную программу», которую россияне стараются реализовать. При этом происходит прагматизация отношения населения к семье, а её создание зачастую носит функциональный характер. С одной стороны, это влечёт ослабление роли эмоциональных факторов в этой сфере, с другой стороны — стимулирует возникновение новых форматов и типов отношений. При этом речь идёт как об изменении форм брачности, количества детей в семьях, возрасте, в котором россияне сталкиваются с теми или иными этапами жизненного цикла семьи, так и о динамике гендерных ролей, набор вариаций которых становится всё более разнообразным. Однако, отмечая то обстоятельство, что наличие детей в семье пока остаётся социальной нормой, а требования, которые предъявляются к мужчинам и женщинам при исполнении ролей мужа и жены, несмотря на их плюрализацию, не претерпевают коренных изменений и носят традиционный характер (муж-кормилец и жена-хозяйка), автор делает вывод о сохранении глубинных основ нормативно-ценностной системы россиян, регулирующей семейные отношения. Наиболее вероятными точками её размывания в будущем ему видятся молодёжная среда и мегаполисы.

Ключевые слова: институт семьи, социально-демографическая модернизация, родительство, брак, гендерные роли.

Трансформационные преобразования, происходившие в России на протяжении последних 20 лет, отразились и на сфере семейных отношений, серьёзно видоизменив многие их аспекты. Так, заметно увеличился возраст вступления в брак и рождения детей, модифицировались формы брака и родительства, дальнейшее развитие получила нуклеаризация семьи и т. д. (см., например, [Гурко, 2008]). Происходящие в этой области изменения были во многом обусловлены характерными для социальной и социокультурной модернизации¹ процессами:

¹ Подробнее о состоянии и перспективах модернизационных процессов в России см., в т. ч.: [Готово ли..., 2010].

нарастанием значимости автономности личности, повышением степени рациональности её мышления, плюрализацией жизненных траекторий и стилей жизни, увеличением значимости в этих условиях возможностей самовыражения человека. Как же выглядит современная российская семья по итогам развития этих процессов? Что россияне считают успешной семейной жизнью?

Прежде всего, следует отметить, что семья не теряет сегодня в России своей значимости и не перестаёт быть для подавляющего большинства населения важной терминальной ценностью: практически все россияне говорят о том, что она для них значима (99%). При этом в нашей стране для большинства населения семья важнее, чем, например, работа (см., к примеру, [Российская повседневность..., 2009]). Высокая значимость семьи в ряду других ценностей устойчиво фиксируется в рамках различных исследований [Карцева, 2003; Варламова, Носкова, Седова, 2006; Митрикас, 2004; Готово ли ..., 2010]. Широко распространена среди россиян и самоидентификация с семьёй как особым сообществом (56%), причём они примерно в той же мере ощущают чувство общности с семьёй, что и жители, например, таких известных своим консерватизмом в этой области стран, как Германия (59%) или Польша (57%)¹. Для них это вообще наиболее распространённая самоидентификация, как, впрочем, и для представителей других стран [Митрикас, 2004]. Однако родственные связи россиян становятся при этом всё менее тесными, традиционная расширенная семья исчезает, понятие «родные» постепенно утрачивает свои позиции: почти четверть россиян не отмечает в числе групп общения в свободное время своих родственников (помимо проживающих совместно с ними членов семьи), – с родственниками общаются только 79%, и это чаще женщины (82%), чем мужчины (76%)².

В то же время для большей части населения России, как счастливая семья, так и воспитание хороших детей либо уже стали реальностью, либо кажутся вполне достижимой задачей. Согласно данным 2012 г.,³ пессимизм относительно возможностей достижения успеха по этим двум направлениям испытывают только 9 и 6% россиян соответственно, а не имеют желания создать счастливую семью и воспитать хороших детей – только 1 и 2%. При этом половина россиян

¹ Данные исследования национальной идентичности, проведённого в 2003 г. в рамках Международной программы социальных исследований «International Social Survey Programm (ISSP)». В 2014 г., согласно данным общероссийского репрезентативного исследования ИС РАН «Средний класс в современной России: 10 лет спустя» (численность выборки, репрезентативной по полу, возрасту, типу населённого пункта, социально-профессиональному статусу – 1600 человек; здесь и далее данные по 2014 г. приведены согласно этому исследованию, если не оговорено иное), этот показатель составлял в России 63%. Автор выражает свою признательность руководству Института социологии РАН за возможность использовать материалы данного и иных упоминаемых в статье исследований ИС РАН в своей работе.

² Данные общероссийского репрезентативного исследования ИС РАН 2010 г. «Готово ли российское общество к модернизации». Подробнее см.: [Готово ли..., 2010]. Здесь и далее данные по 2010 г. приведены согласно этому исследованию, если не оговорено иное.

³ Здесь и далее, если не оговорено иное, применительно к 2012 г. приведены данные общероссийского репрезентативного исследования ИС РАН 2012 г. «О чём мечтают россияне: идеал и реальность». Подробнее см.: [О чём мечтают..., 2013].

(50%) уже имеют, по их мнению, счастливую семью, а 42% считают, что им это по силам (см. таблицу 1). При этом в период кризиса, в 2015 г.,¹ на фоне ухудшения ситуации на работе, в обществе в целом [Российское общество..., 2015] россияне начинают особенно ценить семью, рассматривать её как свой оплот, говорить о своей семейной жизни как о счастливой. Именно поэтому наличие хороших детей и семьи к числу трёх основных своих мечтаний относят только 23 и 17% россиян (25 и 19% из тех, кто в 2012 г. говорил о наличии у него мечты). При этом жители сельской местности чуть чаще мечтают о хороших семье и детях по сравнению с городскими жителями (26 и 19% и 21 и 16% соответственно).

Таблица 1

Достижения россиян в создании семьи и воспитании детей, 2003–2015 гг., %

Успехи в создании счастливой семьи	2003	2008	2010	2012	2015
Уже добились, чего хотели	52	52	52	50	61
Ещё не добились, но считают, что смогут добиться	32	32	36	40	28
Хотелось бы, но вряд ли смогут добиться	14	13	11	9	9
В планах этого не было	2	2	1	1	2
Успехи в воспитании хороших детей					
Уже добились, чего хотели	34	37	38	36	50
Ещё не добились, но считают, что смогут добиться	57	53	52	56	42
Хотелось бы, но вряд ли смогут добиться	7	7	7	6	6
В планах этого не было	2	3	3	2	2

Примечание. В таблице не представлены затруднившиеся с ответом. Приведены данные для респондентов в возрасте от 18 до 55 лет.

Таким образом, счастливая семья – весьма доступное и реализуемое, по мнению россиян, желание, поэтому они рассматривают его как текущую задачу. Фактически «современная семья представляет собой один из проектов, которые человек осуществляет в течение жизни» [Здравомыслова, 2006] наряду с карьерой и стремлением к самореализации [Чернова, Шпаковская, 2010]. Только 13% имеющих счастливую семью (12% горожан и 17% сельских жителей) и 23% намеревающихся её иметь (по 23% жителей разных населенных пунктов) говорят о ней как о своей мечте, т. е. ценят её саму по себе и мечтают о её сохранении.

Насколько же оправдана уверенность россиян в возможности иметь счастливую семью? В целом в России в 2014 г. в официальном браке состояли 68% мужчин и 56% женщин, что объясняется тем, что численность мужчин в целом

¹ Данные 2015 г. получены в ходе работы над проектом «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», выполняемом в Институте социологии РАН за счёт средств гранта Российского научного фонда (проект № 14–28–00218, руководитель проекта – М. К. Горшков). Подробнее см. [Российское общество..., 2015].

несколько ниже, чем женщин. При этом среди женщин-горожанок чаще, чем среди жительниц сельской местности встречались незамужние (14 и 10% соответственно), разведённые (13 и 10% соответственно) и вдовы (14 и 11% соответственно): в условиях гендерных диспропорций в сельской местности женщины чаще предпочитают находиться в браке. Это облегчает им ведение хозяйства и в большей степени соответствует патриархальным ценностям сельских жителей.

Чаще о семье как о мечте говорят те, у кого её ещё нет: 22% никогда не состоявших в браке и 26% не состоящих в браке, но имеющих постоянного партнёра россиян. Для женатых, разведённых, вдовых и состоящих в незарегистрированном браке этот показатель значительно ниже (14–16%). В качестве желаемой (но не достигнутой пока) цели создание семьи рассматривают 94% никогда не состоявших в браке, 88% не женатых, но имеющих постоянного партнёра, 77% разведённых, 50% вдовых россиян. Для состоящих в официальном браке этот показатель равен 20%, а в гражданском браке – 59%. Это свидетельствует не столько о том, что гражданские браки не являются счастливыми, сколько о том, что они часто вообще не воспринимаются россиянами как полноценная семья [Готово ли..., 2010].

При этом стоит напомнить, что для стран, столкнувшихся со вторым демографическим переходом, гражданские браки перестали «быть девиантной формой интимного союза и стали привычным явлением, вариантом нормы» [Незарегистрированные браки..., 2008; Захаров, 2006 и др.], размывая традиционную форму совместной жизни – семью, основанную на зарегистрированном браке [Здравомыслова..., 2006]. Согласно данным выборочного обследования ФСГС РФ [Краткие итоги..., 2009]¹, осенью 2009 г. для женщин до 25 лет первый брак в четверти случаев (26%), а для мужчин – в трети случаев (32%) являлся незарегистрированным. Однако с увеличением возраста эта доля существенно снижалась и уже в возрасте 25–29 лет она составляла 12 и 14% для женщин и мужчин соответственно. При этом среди повторных браков большая их часть являлась незарегистрированными: в возрасте 30–34 лет 46% повторных браков женщин и 53% повторных браков мужчин не были оформлены официально, и даже в возрасте 40 лет и старше эти показатели были равны 38 и 47% соответственно. При этом для 15% женщин и 20% мужчин, вступавших в первый брак в возрасте 25 лет и старше, он был незарегистрированным, а при вступлении в повторный брак в этом возрасте данные показатели составляли уже около половины (51 и 47% соответственно).

Характеризуя изменения в традиционной семье в последние годы, следует отметить и то, что, судя по данным уже упоминавшегося выше обследования ФСГС РФ, доля первичных браков, которые начались с формальной регистрации, с годами непрерывно снижалась: для женщин – с 72% в период до 1990 г. до 50% в 2005–2009 гг., для мужчин – с 78 до 49% соответственно. При этом средний интервал между вступлением в брак и его регистрацией (по тем бракам, где реги-

¹ Краткие итоги обследования «Семья и рождаемость» – выборочное обследование проведено в сентябре–октябре 2009 г. в 30 субъектах РФ. Было опрошено 1999 человек (1118 женщин и 881 мужчина в возрасте до 45 лет).

страция откладывалась) вырос в период 1990–2005 гг. с 11 месяцев для женщин и 9 месяцев для мужчин до 30 и 28 месяцев соответственно. Возможно, на увеличении данного показателя сказался рост неуверенности населения в будущем в период активных трансформаций российского общества и сомнений в необходимости создавать в таких условиях «официальную» семью. В пользу этого предположения говорит тот факт, что, по мере стабилизации ситуации в стране, этот показатель существенно сократился и в 2005–2009 гг. составил уже вновь 11 месяцев для обоих полов. При этом большая часть россиян (61% женщин и 63% мужчин) говорили в ходе опроса ФСГС РФ об обязательности регистрации первого и желательности (57% женщин и 58% мужчин) регистрации второго брака. В то же время россияне обычно отмечали, что сначала надо пожить год-два вместе и проверить свои чувства, а затем регистрировать брак¹ (так считали более трети опрошенных в случае с первым и более половины – с повторным браком).

Всё это свидетельствует о формировании новой «типовой» (хотя и не доминирующей пока однозначно) брачной траектории: первый брак начинается с совместной жизни и только потом регистрируется. В случае же повторного брака его регистрация тем более откладывается. Это означает, что гражданский брак рассматривается россиянами как закономерный предварительный этап семейной жизни, менее продолжительный при первом брачном союзе и более продолжительный (вплоть до сохранения на протяжении всей совместной жизни) при повторном союзе. Возможно, такое более прагматичное отношение к браку связано (по крайней мере, отчасти) с тем, что возраст вступления в брак постепенно повышается. Если, согласно данным Росстата, в 1980 г. возраст жениха и невесты был менее 25 лет в 62 и 71% случаев соответственно, то в 1990 г. эти показатели составляли уже 53 и 65%, в 2000 г. – 45 и 60%, а в 2013 г. – всего лишь 25 и 39% соответственно (рассчитано по: [Браки по возрастам..., 2015]).

Какую же роль в этих условиях играет семья как необходимое условие для реализации другой важной жизненной цели – рождения и воспитания детей? Как сказывается её трансформация на изменении поведенческих стратегий и ожиданий россиян в этой области?

Стратегии деторождения и модели детско-родительских отношений – ещё один важный аспект трансформаций в семейной сфере, ключевыми характеристиками которого в современной России являются такие процессы, как увеличение возраста рождения детей, сокращение их количества, а также переход к сознательному и от-

¹ В противовес ответам, что брак надо регистрировать «Прежде, чем начать жить вместе» и «Сразу же, как начали жить вместе».

ветственному родительству [Чернова, Шпаковская, 2010]. Хороших детей нет в планах только у 2% россиян, более трети (36%) считают, что уже их имеют, более половины (56%) думают, что смогут их воспитать, и 6% хотели бы этого, но отрицательно оценивают свои шансы в данной области. При этом мечтают иметь хороших детей только 23% населения в целом и 21% тех, кто их уже имеет. Таким образом, дети рассматриваются россиянами в качестве значимой жизненной ценности, но, так же, как и семья, имеющей скорее характер задачи, чем мечты. Как мечта эта задача актуализируется обычно в браке, в том числе гражданском: 25% официально женатых и 29% состоящих в гражданском браке россиян говорят, что мечтают иметь хороших детей, в то время как для разведённых и вдовых этот показатель составляет 22 и 20%, а для холостых и не состоящих в браке, но имеющих постоянного партнёра, — 19 и 14% соответственно.

Стоит подчеркнуть, что наличие детей в семье остаётся для россиян важной социальной нормой. Воспитание ребёнка входит в число их основных жизненных целей (первое место для женщин и второе для мужчин с оценками 4,88 и 4,81 по 5-балльной шкале значимости), конкурируя, согласно данным выборочного обследования ФСГС РФ 2009 г., только с достижением материального благополучия (первое место для мужчин и второе для женщин с оценками 4,85 и 4,80) [Краткие итоги..., 2009]. При этом среди тех состоящих в браке россиян, кто уже достиг успеха в воспитании хороших детей, 88% говорят и об успехе в создании хорошей семьи. В то же время среди состоящих в браке россиян, считающих, что хороших детей они пока не имеют, хотя эта задача в принципе реализуема, этот показатель заметно меньше и равен только 67%. При этом для россиян с хорошими отношениями в семье оценка их успешности в создании счастливой семьи меньше зависит от успехов в воспитании хороших детей, чем для остальных — соответствующие показатели составляют 93 и 81% для женатых россиян с хорошими и 78 и 49% — с удовлетворительными отношениями в семье. Иными словами, при хороших отношениях отсутствие успехов в воспитании детей не становится причиной негативных оценок семейной жизни.

У россиян существуют также довольно чёткие представления о том, сколько детей должно быть в семье: согласно данным 2014 г., в настоящее время идеальное число детей для россиян, даже если бы позволяли материальные условия, — всего один ребёнок (1 — медиана, 1,16 — среднее). Однако этот показатель в значительной степени формируется за счёт тех, кто вообще не хотел бы иметь детей, поскольку в целом детей хотели бы иметь только 55% россиян. Из них 10% хотели бы иметь одного ребёнка, 30% — двоих и 15% — больше двух, то есть среди тех, кто вообще хотел бы иметь детей, доминирует идеал двухдетной семьи. При этом уже есть дети у 75% россиян: у трети (34%) — один, ещё у трети (34%) — двое и у 7% — более двух. Как видно из этих данных, среди тех россиян, у которых дети уже есть, многие имеют больше детей, чем число желаемых детей, или просто имеют детей, хотя вообще их не хотели. Это означает, что каждый пятый гражданин нашей страны имеет детей, которые для него нежеланны.

В городах дети есть у 72% жителей, и 37% имеют более одного ребёнка. В сельской местности эти показатели равны 82 и 49% соответственно, т. е. несколько выше. При этом везде «неплановые», нежеланные дети встречаются достаточно часто. Горожане хотели бы иметь детей в 1,3 раза реже, чем имеют их «по факту», а жители сельской местности — в 1,7 раза, т. е. там нежеланные дети встречаются гораздо чаще, чем в городах.

Со временем желание иметь детей, тем более нескольких, ослабевает. Так, согласно данным исследования ФСГС РФ, проведённого пятью годами ранее (осенью 2009 г.), ориентация на рождение детей у россиян была тогда несколько выше: 58% женщин и 51% мужчин хотели бы иметь двоих детей, а 25 и 26% — троих. Однако реально планировали иметь двоих детей они лишь в 47 и 50% случаев, а троих — вообще лишь в 8 и 11% случаев соответственно. Таким образом, согласно данным этого исследования, среднее желаемое количество детей для российских женщин и мужчин в 2009 г. было 2,28 и 2,38 соответственно, а планируемое — 1,72 и 1,90¹. Как видим, буквально за несколько лет произошли существенные сдвиги в демографических установках российского населения.

Ключевые помехи к рождению желаемого количества детей носят, судя по данным Росстата, по большей части экономический характер и для женщин, и для мужчин: материальные трудности (по 85% для женщин и мужчин), неуверенность в завтрашнем дне (82 и 83% соответственно), жилищные проблемы (63 и 65%)². Видимо, хронический характер этих проблем в современной России постепенно закрепляет новую норму числа детей в семье. В этом контексте уже не кажется удивительным, что в среде наиболее благополучного населения наблюдаются пожелания относительно количества детей несколько выше среднего показателя. Больше детей, чем средний россиянин, хотели бы иметь, впрочем, и те, для кого они выступают значимой артикулируемой ценностью, т. е. те, кто мечтает о хороших детях, а также представители семей с хорошими отношениями между супругами.

Таким образом, отношение к детям в современных российских семьях в большей мере носит нормативный характер — дети должны быть, они укрепляют и наполняют смыслом семейный союз, делают его более успешным и счастливым. Однако дети, как и семья, — часть жизненного проекта россиян. Более того, всё больше становится тех, для кого дети в их жизненный проект вообще не входят, а среди рассматривающих их как обязательный элемент своей жизни всё чаще встречаются те, для кого идеальное число детей в семье — всего один ребёнок, хотя нормой такое отношение к детям в современной России пока ещё не стало.

¹ Согласно официальным статистическим данным, суммарный коэффициент рождаемости постепенно начал расти и увеличился с 2005 года с 1,6 до 1,9 в 2009 году.

² Учтены ответы «мешает» и «очень мешает». О факторах, влияющих на репродуктивные планы россиян, см. также: [Гурко, 2014].

Важно подчеркнуть, что изменение отношения к рождению детей не связано с ухудшением в России внутрисемейных отношений и что отношения в российских семьях в основном (61%) хорошие: только 4% россиян отзываются о них как о плохих, 18% россиян говорят, что они сталкиваются с семейными проблемами и 9% – что сталкиваются с проблемами с детьми. При этом за последнее десятилетие ситуация в этой сфере улучшилась. Это может быть связано с ростом уровня жизни населения, ведь, как уже неоднократно демонстрировалось как в российских [Готово ли..., 2010; Российская повседневность..., 2009 и др.], так и в зарубежных исследованиях [Liu, Zeng-yin Chen, 2006; Aseltine, Kessler, 1993; Adele, 2004], материальная обеспеченность и удовлетворённость своим социальным положением оказывают непосредственное влияние на отношения в семье. Среди россиян с высоким социальным статусом и хорошим (по самооценке) материальным положением почти все (90–93%) говорят о хороших отношениях с родными. Для тех, чьё благосостояние оценивается ими удовлетворительно, этот показатель составляет чуть более половины (53–57%), а у негативно оценивающих своё материальное положение и социальный статус он составляет менее половины (49 и 30% соответственно).

При этом характеризующиеся в целом более высоким уровнем жизни горожане несколько лучше оценивают отношения в своих семьях по сравнению с жителями сельской местности. Среди первых хорошую оценку им дают две трети (63%), а среди вторых – только половина (56%).

При этом кризис, как временное явление, несмотря на то, что отражается на уровне жизни населения, не влияет на оценку отношений в семье (см. рис.1). Так, в 2015 г. плохо их оценивают 4%, а проблемы в семье и проблемы с детьми присутствуют у 16 и 9% россиян соответственно.

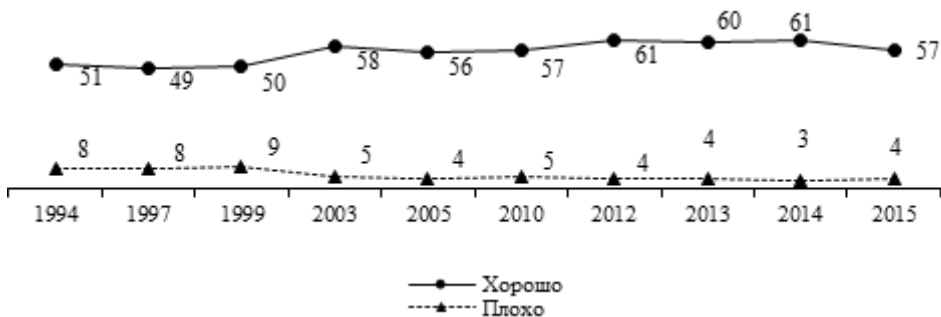

Рис. 1 Оценка россиянами своих отношений в семье, 1994–2015 гг., %

Примечание. На рисунке не представлены ответившие «удовлетворительно» и «затруднившиеся с ответом».

Как это ни парадоксально, но семья может подчас восприниматься россиянами как счастливая даже в случае плохих отношений в ней. В 2012 г. россияне из семей с хорошими и удовлетворительными отношениями говорили, что уже

имеют счастливую семью в 86 и 61% случаев, однако и 13% россиян из семей с плохими отношениями также считали свои семьи счастливыми, а ещё 48% рассчитывали, что смогут в будущем иметь счастливую семью¹. Это говорит о том, что сегодня при создании семьи россияне далеко не всегда руководствуются целью обеспечения себя комфортной системой личных отношений – во всяком случае, они не ставят эту задачу во главу угла.

Отдельно стоит сказать и о том, что в рамках модернизации системы семейных отношений в России происходит постепенное видоизменение гендерных ролей. Например, позиции мужчин как кормильцев (членов семьи с наибольшим доходом²) уже не безусловны: доля кормильцев-мужчин снижается, а доля кормильцев-женщин – увеличивается. Особенно характерна эта тенденция для возрастных когорт после 30 лет, когда отчасти преодолевается эффект от рождения детей и «выпадения» женщин из рынка труда (см. рис. 2). Именно из-за наличия несовершеннолетних детей женщины, состоящие в браке, не говорят о существенном вкладе своих доходов в семейный бюджет в 66% случаев, а в домохозяйствах без детей – только в 48% случаев. И всё же доминирование мужчин в роли кормильцев продолжает сохраняться с заметным перевесом – так, согласно данным 2014 г. 70% мужчин и лишь 16% женщин, состоящих в браке (в том числе и гражданском), отмечают, что в их семьях наибольшие доходы получают именно они. И хотя в ряде случаев представители обоих полов испытывают затруднения в определении доминирования чьих-то доходов в семье, на роль своих доходов как доминирующих или существенных для семейного бюджета (когда трудно определить, кто вносит в него наибольший вклад) не претендуют только 10% женатых мужчин, при 59% у замужних женщин.

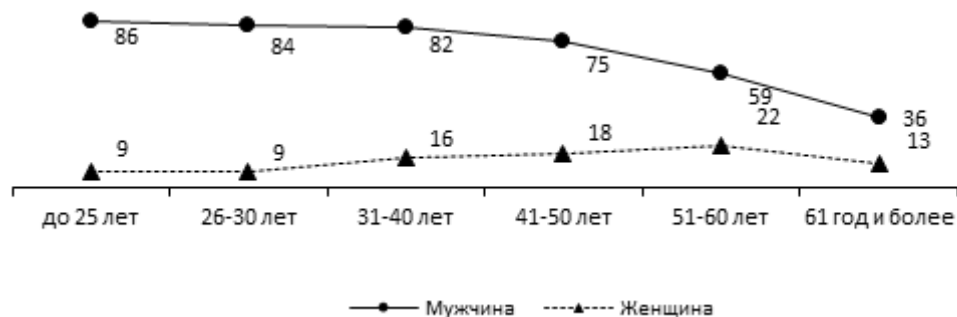

Рис. 2. Позиционирование себя как кормильца семьи у мужчин и женщин в разных возрастных когортах (для состоящих в браке, в том числе и гражданском), 2014, %

Примечание. На рисунке не представлены ответившие «иное», т. е. когда ни респондент, ни его супруг или супруга не являются «кормильцами семьи».

¹ Приведены показатели для россиян, состоящих в браке, в том числе и гражданском.

² Подробно этот вопрос изучался И. М. Козиной, см. [Козина, 2000].

Таким образом, мужчины продолжают с многократным отрывом лидировать в гонке за роль «кормильца семьи», а женщины находят возможность реализации своих лидерских амбиций в сфере домашнего труда, подчиняя себе семейный бюджет и оставляя за собой возможность его стратегического планирования [Лыткина, 2004], — более чем в половине российских семей именно женщина играет ключевую роль в распоряжении семейными деньгами [Российская повседневность..., 2009].

При этом если рассматривать представления о гендерных ролях и пожелания относительно главенства мужчины/женщины в семье, то стоит отметить, что, согласно данным 2010 г., по мнению россиян в целом, в семье вообще не должно быть главы, важные для неё решения должны приниматься совместно, а мелкие вопросы — решаться в соответствии с существующим в семье разделением обязанностей (консенсусная модель). В то же время приоритетность тех или иных моделей семьи для состоящих в браке несколько иная. О предпочтительности именно такого ролевого расклада в семье говорят 35% состоящих в браке (включая гражданский брак) и 39% россиян в целом. При этом 38% состоящих в браке россиян отмечают, что главой должен быть старший в семье мужчина (или, в случае его отсутствия, старшая в семье женщина), т. е. склонны к так называемой патерналистской модели семьи. Среди россиян в целом эта модель менее популярна, — её поддерживают 34%, т. е. на 5% меньше, чем консенсусную модель. Что касается других моделей распределения власти в семье, то по ним взгляды состоящих в браке и россиян в целом не отличаются. Так, одна пятая часть населения (20% состоящих в браке) является рационально ориентированной в вопросах определения главы семьи и отмечает, что принимать важные для неё решения должен тот, кто способен лучше других ориентироваться в современной ситуации и сделать наиболее правильный с точки зрения интересов семьи выбор (прагматическая модель). Наименее распространённой является утилитаристская модель, согласно которой главой семьи является тот, кто вносит наибольший вклад в семейный бюджет. Эту точку зрения разделяют только 7% населения (и 7% состоящих в браке граждан). Наиболее популярна у женщин модель семейных отношений — консенсусная (44%), а у мужчин — патерналистская (45%).

При этом с созданием семьи может меняться восприятие россиянами оптимального распределения ролей в семье. Для состоящих в браке (как официальном, так и гражданском), как уже отмечалось, наиболее распространённым является запрос на патерналистскую модель, в то время как для всех остальных — на консенсусную (см. рис. 3).

Более того, для состоящих в официальном браке россиян рассогласованность позиций мужчин и женщин относительно распределения ролей минимальна¹. Это может свидетельствовать о том, что после заключения брака мужчины и женщины (но в основном женщины) корректируют свои взгляды на распределение ролей

---

¹ Уровень рассогласованности позиций мужчин и женщин рассчитывался следующим образом. Для каждого типа семейного статуса рассчитывались модули разницы доли мужчин и доли женщин среди сторонников той или иной модели семьи. Суммы этих модулей давали показатель рассогласованности: 45% для холостых, 36% для состоящих в официальном браке, 54% для разведённых, 45% для вдовцов, 59% для проживающих в гражданском браке.

в семье. Максимальная рассогласованность позиций мужчин и женщин наблюдается среди разведённых и состоящих в гражданском браке: у них она превышает 50%. Подобный уровень неконсистентности взглядов именно в этих двух категориях населения свидетельствует о высоком риске распада браков вообще и отказа от перехода гражданских браков в зарегистрированные именно по причине конфликтов относительно распределения ролей, власти и обязанностей в семье [Горлач, 2004].

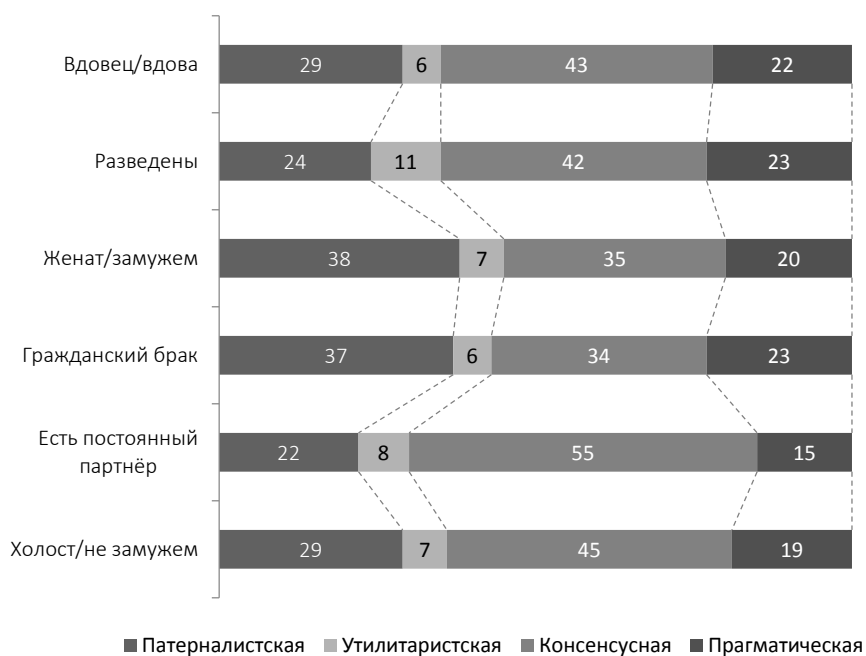

Рис. 3. Распространённость представлений об оптимальных моделях семьи в зависимости от семейного положения, 2010 г., %

Представления о ролевом раскладе в семье тесно связаны с тем, какими видятся идеальные мужчины/женщины и идеальные супруги. Традиционное для русской культуры восприятие гендерных отношений связано, прежде всего, с созданием семьи и рождением детей, и соответственно — с близостью представлений о гендерных ролях мужчины и мужа, с одной стороны, и женщины и жены — с другой. Однако по мере усложнения общественных отношений эти роли обособляются друг от друга, особенно в крупных городах.

По мнению россиян, идеальный мужчина должен быть физически сильным и здоровым (59%), не иметь вредных привычек (38%), уметь обеспечивать материальный достаток (33%) и обладать интеллектом (33%) (см. таблицу 2)¹.

¹ Примерно такой же портрет идеального мужчины даётся по данным Левада-Центра 2015 г. (репрезентативный опрос по всероссийской выборке в 1600 человек). При несколько ином спектре рассматриваемых черт в число наиболее значимых не менее, чем для половины россиян, вошли ум (59%) и умение заработать (50%). Подробнее см.: [Качества, которые..., 2015].

Физическая сила и здоровье выступают наиболее значимыми характеристиками идеального мужчины по мнению как мужчин, так и женщин (67 и 53% соответственно). Правда, следует отметить, что для части женщин отсутствие физической силы может компенсироваться привлекательной внешностью, на которую они чаще обращают внимание (21% при 13% среди мужчин). Женщины больше мужчин ценят отсутствие вредных привычек (42 и 33% соответственно). Третьим по уровню значимости качеством идеального мужчины называют умение обеспечить материальный достаток (35%). Для представителей же сильного пола идеальный мужчина, не имея вредных привычек (33%), должен не столько уметь обеспечивать достаток, сколько быть умным (35%). Таким образом, женщины чаще мужчин, определяя характеристики идеального мужчины, ведущие места отводят качествам, которые так или иначе связаны с семейной жизнью, в то время как мужчины в большей степени склонны разводить эти роли.

Таблица 2

Качества, наиболее важные для идеальных мужчины и женщины, по мнению россиян, 2012, %
(допускалось до трёх вариантов ответа)¹

Качества	Идеальный мужчина	Идеальный муж	Идеальная женщина	Идеальная жена
Физическая сила, здоровье	59	37	12	13
Отсутствие вредных привычек (алкоголизм, наркомания и т. п.)	38	38	20	19
Ум, интеллект	33	16	18	11
Умение обеспечить материальный достаток	33	56	2	4
Уверенность в себе	24	13	13	7
Привлекательная внешность	18	5	67	29
Сексуальность	17	9	40	17
Чувство юмора	14	6	11	5
Верность в любви	14	38	24	44
Твёрдость	12	7	2	2
Хозяйственность, практичность	12	21	22	47
Любовь к детям	7	31	24	55
Доброта	6	6	14	17
Лёгкий характер, покладистость	4	5	21	20

Основные характеристики идеального мужчины заметно (хотя скорее количественно, чем качественно) отличаются в разных социальных группах. Однако дифференциация предпочтений россиян относительно характеристик идеального мужчины достигается скорее за счёт дополнительных «штрихов к портрету», чем изменения самого этого «портрета» в принципе. Так, для молодёжи в большей

¹ Список качеств ориентирован по убыванию важности характеристик идеального мужчины. Фоном выделены показатели не ниже трети (33%).

степени, чем для остальных возрастных групп, в идеальном мужчине значима привлекательная внешность (24% для молодёжи до 25 лет при 14–17% для остальных возрастных когорт) и сексуальность (20% для россиян до 35 лет, в то время как для остальных групп – 10–15%). Для жителей мегаполисов также более важна внешняя привлекательность (24%, в то время как для жителей остальных населённых пунктов этот показатель равен 14–15%), но менее значимы – отсутствие вредных привычек (30 и 34–43% соответственно) и умение обеспечить материальный достаток (24 и 28–37% соответственно). Россияне, чьи родители имеют образование не выше среднего, дают относительно более высокую оценку значимости практичности и хозяйственности (17%, в то время как для остальных образовательных групп – 7–12%).

Локализация предпочтений таких связанных с ролями «хозяина», «мужа» и «отца» мужских характеристик, как физическая сила, отсутствие вредных привычек, умение обеспечить достаток, верность, хозяйственность, любовь к детям и доброта наблюдается прежде всего в сельской местности как очаге сохранения традиционных представлений о гендерных ролях – 21% сельских жителей все три ключевые характеристики мужчин ассоциируют только с традиционными характеристиками мужчины в русской культуре, в то время как, например, в мегаполисах этот показатель равен только 11%. При этом обратная ситуация – низкая ориентация на эти черты идеального мужчины – свойственна, прежде всего, жителям мегаполисов. Именно в больших городах практически половина (49%) выбирают не более одного качества из этого списка (в то время как для жителей сельской местности этот показатель составляет 34%), а также молодёжь до 35 лет (44%, в то время как для остальных возрастных когорт – 37–39%). При этом жители мегаполисов чаще обозначают такие характеристики идеального мужчины, отражающие его новый формирующийся стереотип и задающие границы его иной гендерной роли, как привлекательная внешность (24% в мегаполисах и 14% в сельской местности), сексуальность (19 и 16% соответственно), развитый ум (32 и 27% соответственно). Таким образом, сравнение образов идеального мужчины в сельской местности и в мегаполисах позволяет лучше понять вектор изменений гендерной роли мужчины в культуре современной России, который свидетельствует о размывании традиционных представлений о ней.

Идеальная женщина при этом должна быть, по мнению россиян, в первую очередь привлекательной внешне (67%) и сексуальной (40%)¹. И в этом вопросе мужчины и женщины единогласны (69 и 48%

¹ И хотя по упоминавшемуся ранее опросу Левада-Центра наиболее ценными чертами женщины названы хозяйственность (49%) и хорошая внешность (41%), идеальная любовница, согласно этому опросу, должна быть именно сексапильной (60%) и иметь хорошую внешность (59%), что полностью соответствует оценке идеальной женщины в исследовании ИС РАН.

для мужчин и 66 и 34% для женщин). Третье по уровню значимости для идеальной женщины качество, по мнению мужчин, — верность в любви (31%), по мнению женщин, — любовь к детям (27%). Существенное превышение доли тех, кто считает именно привлекательность и сексуальность ключевыми качествами для женщины, свидетельствует о более гомогенных представлениях об идеальной женщине в современной России, нежели об идеальном мужчине. При этом подобное представление о такой женщине, особенно среди мужчин, свидетельствует о том, что данная роль рассматривается ими абстрагировано от роли жены, что не свойственно традиционным представлениям о гендерных ролях.

На этом фоне важно понять, что происходит не просто с гендерным, а именно с внутрисемейным «ролевым раскладом», меняются ли роли мужа и жены в семье. Судя по качествам идеального мужа и идеальной жены, институт семьи в целом в понимании россиян имеет сегодня достаточно чётко очерченные гендерные роли: от жены в большинстве случаев не ожидается дублирования выполнения функций, которые отводятся мужу, и наоборот (см. таблицу 3). Так, муж должен выполнять роль кормильца, умеющего обеспечить материальный достаток, а также сильного и здорового «защитника» семьи. Жена «радует глаз» и за счёт доброты и лёгкого характера налаживает отношения в семье (доли отмечающих необходимость соответствующих черт для идеального мужа и идеальной жены отличаются в 3–11 раз). Кроме того, именно жена (хотя и при поддержке мужа) играет ключевую роль в воспитании детей и ведении хозяйства: соответствующие показатели разнятся приблизительно в 2 раза. Таким образом, для женщины освоение роли жены связано с принципиально иными характеристиками, нежели освоение роли идеальной женщины.

Таблица 3

Оценка своих сексуальных отношений в разных группах россиян, 2012, %

Группы	Хорошие	Удовлетворительные	Плохие
Возраст			
16–25 лет	71	28	1
26–35 лет	66	33	1
36–45 лет	51	44	5
46–55 лет	38	51	11
Доход			
Менее 1 медианы по типу поселения	49	44	7
1–2 медианы по типу поселения	55	40	5
Более 2 медиан по типу поселения	64	35	1
Отношения в семье			
Хорошие	78	20	2
Удовлетворительные	11	80	9
Плохие	22	35	43

Примечание. Представлены ответы состоящих в браке, в том числе и гражданском.

При этом, по мнению жителей мегаполисов, для мужа более значимы характеристики, позволяющие жене ощущать психологический комфорт в отношениях с ним: верность (51% в мегаполисах, 41% в областных центрах и 33–37% в районных центрах и сельской местности) и лёгкий характер (11% при 3–4% по остальным типам поселений). В то же время в других населённых пунктах важнее отсутствие вредных привычек (26% у жителей мегаполисов и 40% среди жителей остальных типов поселений) и наличие хозяйственности (её как значимое качество идеального мужа отмечают 15% жителей мегаполисов и 19–25% россиян из других населённых пунктов).

В идеальной жене жители мегаполисов также больше россиян из других населённых пунктов ценят характеристики, позволяющие получать в семейных отношениях психологический комфорт: доброту (29%, в то время как для остальных населённых пунктов этот показатель равен 16%), ум (18 и 7–11% соответственно), верность (56 и 38–46% соответственно), но меньше хозяйственность (41 и 46–51% соответственно), отсутствие вредных привычек (13 и 18–20% соответственно), любовь к детям (43 и 52–59% соответственно) и внешнюю привлекательность (20 и 29–33% соответственно).

Таким образом, представления россиян об идеальном муже и идеальной жене соответствуют пока ещё традиционному видению этих ролей. При этом, исходя из ролей мужа и жены, которые следуют из важных для супругов характеристик, семья является тем микрокосмом, который супруги должны оберегать (верностью), обеспечивать (участвуя в его хозяйственной деятельности) и развивать (за счёт рождения и воспитания детей). В значительной степени идеальная семья для россиян воспроизводит традиционные образцы русской культуры. Это не исключает существования на практике разных семейных моделей в связи с различными жизненными обстоятельствами, а также изменений, происходящих в этой области. Однако устойчивость глубинных нормативных представлений россиян об идеальной семье в целом сохраняется до сих пор. В то же время локально (в первую очередь в мегаполисах и среди молодёжи) зарождаются представления о семье как о комфортной среде обитания, когда супруги обладают такими качествами, которые позволяют сделать совместную жизнь более приятной и психологически комфортной, что является индикатором зарождения новых образцов гендерных ролей в современной российской семье.

Укоренённость традиционных представлений о гендерных ролях в семье, которые в целом достаточно функциональны, ставит вопрос о том, каково же место эмоциональной привязанности, любви в жизни россиян. Создание семьи только по любви в целом никогда не было нормой русской культуры. Однако любовь сама по себе всегда имела для россиян самостоятельную ценность, а для многих — была и предметом мечтаний. Сегодня же мечты о любви даже у молодёжи вытеснены надеждами на достаток, здоровье и справедливое общественное устройство. О любви

мечтают только 6% россиян (или 7% вообще мечтающих о чём-нибудь, для женщин эти показатели равны 8 и 9% соответственно, и даже среди девушек 16–25 лет о любви мечтают лишь 15%). Более того, встреча с настоящей любовью — лишь 12-й из 14-ти жизненных приоритетов россиян¹. В то же время хорошая семья занимает 4-е место в этих приоритетах и является мечтой для 17% россиян или 19% вообще мечтающих о чём-нибудь (при том, что каждый опрошенный мог выбрать три таких приоритета).

Но ещё в начале 2000-х годов только 5% женщин в возрасте от 17 до 50 лет говорили, что встретить настоящую любовь не входит в их жизненные планы². Брак по любви тогда считали более крепким, чем брак по расчёту, две трети из них. Более того, всего 7 лет назад, в 2006 г., от 57 до 70% россиян допенсионного возраста говорили о том, что любовь для них важна [Варламова, Носкова, Седова, 2006].

Если же говорить не только о любви, а о более широком понятии — счастье в личной жизни, то в качестве желания, которое хотели бы загадать россияне, поймав «золотую рыбку», даже счастье в личной жизни называли только 18% из них (или 24% из тех, кто стал бы загадывать желание). Чаще всего об этом говорят женщины (23%, в то время как для мужчин этот показатель равен 13%), не состоящие в браке (37% холостых и незамужних, 28% имеющих постоянного партнёра, но не состоящих с ним в браке) и те, кто прошёл первичную социализацию в мегаполисах (23%, в то время как для крупных городов этот показатель равен 20%, а для остальных населённых пунктов — 14–18%).

Счастливые российские семьи отличаются хорошими отношениями в них в целом и между супругами в частности, включая их сексуальную жизнь. И наоборот, хорошие отношения в семье и полноценная сексуальная жизнь повышают оценки россиян их успехов в сфере создания счастливой семьи. Интересно при этом, что сексуальный мотив практически никак не прозвучал в мечтах россиян, хотя эта сторона жизни очень важна для счастливого супружества: 84% женатых россиян, хорошо оценивающих свою сексуальную жизнь, уже имеют счастливую семью, а среди тех, кто даёт своей сексуальной жизни лишь удовлетворительную оценку, их заметно меньше — 67%. При этом в сфере сексуальной жизни у россиян далеко не всё складывается гладко, даже у молодёжи. Сегодня свою сексуальную жизнь оценивают хорошо только 44% россиян, а 12% дают ей оценку «плохо», при этом женщины негативно оценивают состояние этой сферы своей жизни в два раза чаще мужчин (16 и 8% соответственно). Наиболее неблагоприятна ситуация в этом отношении, как это ни парадоксально, в самых крупных городах: только 44% состоящих в браке (в том числе и гражданском)

---

¹ Рассматривались такие мечты и цели, как: быть полезным обществу, внести «свою лепту» в развитие России; получить хорошее образование (специальность); жить в более справедливом и разумно устроенном обществе; иметь свою отдельную квартиру, дом; открыть собственное дело; иметь хороших детей; жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, «не считая копейки»; иметь хорошее здоровье; жить интересно, реализовать себя; иметь хорошую семью; устроиться на хорошую работу; встретить настоящую любовь; стать очень красивым, привлекательным человеком; стать уважаемым и известным человеком.

² Данные общероссийского исследования «Женщина новой России: Кто она? Как живёт? К чему стремится?» (подробнее см.: [Женщина новой..., 2002]), проведённого Институтом комплексных социальных исследований РАН в марте 2002 г. Численность выборки — 1406 женщин в возрасте от 17 до 50 лет.

жителей мегаполисов дают своей сексуальной жизни оценку «хорошо», в то время как для женатых представителей остальных населённых пунктов этот показатель составляет 51%.

Несколько более благополучно складывается сексуальная жизнь у неженатых, но имеющих постоянного партнёра россиян: хорошо свою сексуальную жизнь оценили 54% женатых россиян, 49% состоящих в гражданском браке и 62% неженатых, но имеющих постоянного партнёра, в то время как для холостых, разведённых и вдовых этот показатель был равен 37, 19 и 18% соответственно. Однако среди состоящих в браке россиян даже молодёжь, будучи в целом более удовлетворённой этой сферой жизни, в трети случаев оценивает свою сексуальную жизнь лишь как удовлетворительную или даже плохую (29% россиян в возрасте до 25 лет и 34% россиян в возрасте 26–35 лет). При этом положительно на оценках этой сферы своей жизни сказываются высокий уровень благосостояния и хорошие отношения в семье (см. таблицу 3) как источники общего положительного фона межличностных отношений, в том числе сексуальных.

Плохая сексуальная жизнь россиян не означает, что они не будут оценивать свою семью как счастливую, — 46% (!) женатых россиян, оценивающих свою сексуальную жизнь как плохую, говорят, что имеют счастливую семью. При этом свою сексуальную жизнь оценивают хорошо только 59% тех, кто считает, что уже имеет счастливую семью, а 3% даже говорят о том, что дела в этой области их жизни обстоят плохо¹.

Таким образом, наличие любви к партнёру и хорошие сексуальные отношения повышают психологический комфорт и ощущение благополучия жизни. Однако они не являются абсолютно необходимым условием счастливой семейной жизни для россиян, хотя, безусловно, гармония в этих сферах только укрепляет семью и брак.

Подводя итоги, следует отметить, что семья в современной России не перестаёт быть самостоятельной ценностью для населения. Однако в условиях модернизации, со свойственной ей плюрализацией форм общественных отношений, институт семьи трансформируется, возникают и утверждаются новые практики и нормы в этой сфере: незарегистрированные браки, увеличение возраста вступления в брак и рождения детей, нуклеаризация семьи и ослабление родственных связей, сокращение желаемого числа детей и т. д. Будучи значимыми приоритетами жизни, счастливая семья и хорошие дети в этих условиях — элемент «жизненного проекта» россиян. При этом комфортность социально-психологической обстановки в семье является желательной, но это не абсолютно необходимое условие того, чтобы семья воспринималась большинством населения страны как благополучная.

¹ На то, что даже по мнению молодёжи удовлетворённость сексуальной жизнью не всегда является неотъемлемым атрибутом счастливой семейной жизни, уже обращалось внимание в литературе — см., например, [Борусяк, 2011].

Модернизация норм межличностных взаимодействий постепенно проникает и в сферу отношений мужчин и женщин. Любовь и гармония в личной жизни, включая сексуальную, перестают быть заветным желанием, хотя немало способствуют созданию счастливого брачного союза. При этом их отсутствие далеко не всегда мешает созданию благополучной и счастливой семьи.

В целом же семья, о которой мечтают россияне, и отношения между супругами в ней в настоящее время по-прежнему носят традиционный для русской культуры характер. Так, несмотря на социально-демографическую модернизацию с распространением многообразия форм межличностных отношений мужчин и женщин, в предпочтениях россиян семья по-прежнему сохраняет свои традиционные черты, включая выполнение привычных гендерных ролей: мужчиной — функции кормильца, а женщиной — хозяйки и матери. В связи с этим можно говорить о сохранении в российском обществе глубинных основ нормативно-ценностной системы, регулирующей семейные отношения. Наиболее уязвимыми эти основы выглядят в мегаполисах, жизнь в которых становится всё более сложной и динамичной, что диктует и новый набор требований к близким людям.

Список литературы

Борусяк Л. Ф. Любовь, секс, партнёрство: ориентации московских студентов // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. — 2011. — Т. 108. — № 2. — С. 99–115.

Браки по возрастам жениха и невесты [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Демография. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 29.01.2016).

Варламова С. Н., Носкова А. В., Седова Н. Н. Семья и дети в жизненных установках россиян // Социологические исследования. — 2006. — № 11. — С. 61–73.

Горлач М. Г. Гендерный аспект семейно-ролевого диссонанса // Социологические исследования. — 2002. — № 1. — С. 135–136.

Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. — М.: Весь мир, 2010. — 344 с.

Гурко Т. А. Брак и родительство в России. — М.: Институт социологии РАН, 2008. — 325 с.

Гурко Т. А. Репродуктивные планы супругов // Социологические исследования. — 2014. — № 9. — С. 77–85.

Женщина новой России: Кто она? Как живёт? К чему стремится? — М.: РОССПЭН, 2002. — 168 с.

Захаров С. Брачность в России: история и современность [Электронный ресурс] // Демоскоп-Weekly. 2006. № 261–262. 16–29 октября 2006. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0261/tema04.php> (дата обращения: 29.01.2016).

Здравомыслова О. М. Семья: из прошлого — в будущее [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал ЭСМ. Экономика. Социология. Менеджмент. Интернет-конференция «Гендерные стереотипы в современной России». 01.05.06–07.07.06. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16209413.html> (дата обращения: 15.12.2015).

Карцева Л. В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. — 2003. — № 7. — С. 92–100.

Качества, которые мужчины и женщины ценят друг в друге [Электронный ресурс] // Левада-Центр. Пресс-выпуск от 13.02.2015. URL: <http://www.levada.ru/13-02-2015/kachestva-kotorye-muzhchiny-i-zhenshchiny-tsenyat-drug-v-druge> (дата обращения: 18.01.2016).

Козина И. М. Что определяет статус кормильца семьи? // Социологические исследования. – 2000. – № 11. – С. 83–89.

Краткие итоги выборочного обследования «Семья и рождаемость» [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm (дата обращения: 18.01.2016).

Лыткина Т. С. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // Социологические исследования. – 2004. – № 9. – С. 85–90.

Митрикас А. А. Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования. – 2004. – № 5. – С. 65–72.

Незарегистрированные браки: семья и дети. [Электронный ресурс] // База данных ФОМ. 24.07.2008. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/famil/civ_marr/d082924 (дата обращения: 12.01.2016).

О чём мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2013. – 400 с.

Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. – М.: Альфа-М, 2009. – 272 с.

Российское общество и вызовы времени. Кн. 1. / М. К. Горшков [и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова / Институт социологии РАН. – М.: Весь Мир, 2015. – 336 с.

Российское общество и вызовы времени. Кн. 2. / М. К. Горшков [и др.]; отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. – М.: Весь Мир, 2015. – 432 с.

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Молодые взрослые: супружество, партнёрство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // Laboratorium. Журнал социальных исследований. – 2010. – № 3. – С. 19–43.

Adele H. How Poverty is Pushing Families into Divorce [Электронный ресурс] // Sydney Morning Herald Online. March 25, 2004. URL: <http://www.smh.com.au/articles/2004/03/24/1079939718989.html> (дата обращения: 16.01.2016).

Aseltine R. H., Kessler R. C. Marital Disruption and Depression in a Community Sample // Journal of Health and Social Behaviour. – 1993. Vol. 34 (3). – P. 237–251.

Liu R. X., Zeng-yin Chen. The Effects of Marital Conflict and Marital Disruption on Depressive Affect // Social Science Quarterly. – Jun. 2006. Vol. 87 (2). – P. 250–271.

Дата поступления в редакцию 26.02.2016.

Family Institution in Russia: on the Path of Transformation

Lezhnina Iuliia Pavlovna

Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology Russian Academy of Science. Krzhizhanovskogo str., 24/35, bld.5, 117218, Moscow, Russia; Associate Professor, National Research University "Higher school of Economics". Myasnitskaya str., 20, 101000, Moscow, Russia. E-mail: lezhnina@list.ru

Abstract. The article is focused on the analysis of institute of family in modern Russia. During the socio-demographic modernization family stays a terminal value for Russians, but goes through transformation with erosion of traditional norms and relationship patterns in this sphere. Based on the analysis of empirical data the paper shows the changes in the attitude of Russians to marriage, parenthood, gender roles. The author demonstrates that family and children are included in so-called “vital program” that Russians are trying to implement. Herewith the pragmatization of attitude towards family is observed, and family development often seems to be functional. On the one hand, this leads to a weakening of the role of emotional factors in this area, on the other hand, it stimulates the appearance of new formats and types of relationships. This involves either changes in the forms of marriage, number of children in the family, age of Russians facing certain stages of family life-circle, or dynamics of gender roles, variations of which are becoming increasingly diverse. The author notes that children in the family remain the social norm, and the requirements that are applied to men and women performing the roles of husband and wife, despite of their pluralization, do not go through drastic changes and stay traditional (man-breadwinner and wife-housekeeper). That is why she concludes that fundamentals of the value system of Russians regulating family relations remain unchanged. The most likely localization of its erosion in the future seems to be among young people and inhabitants of mega-cities.

Keywords: family as an institute, socio-demographic modernization, parenthood, marriage, gender roles.

REFERENCES

Borusyak L. F. Lyubov', seks, partnerstvo: orientatsii moskovskikh studentov. [*Love, sex and partnership: the orientations of the Moscow students*]. *J. Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii.* – 2011. – Т. 108. – № 2. – С. 99–115. (In Russ.).

Braki po vozrastam zhenikha i nevesty. [*Marriages by age of bride and groom*]. [Elektronnyi resurs]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Demografiya. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (data obrashcheniya: 29.01.2016). (In Russ.).

Varlamova S. N., Noskova A. V., Sedova N. N. Sem'ya i deti v zhiznennykh ustanovkakh rossiyan. [*Family and children in life attitudes of Russians*]. *J. Sotsiologicheskie issledovaniya.* – 2006. – № 11. – С. 61–73. (In Russ.).

Gorlach M. G. Gendernyy aspekt semeyno-rolivogo dissonansa. [*The gender aspect of family role-playing dissonance*]. *J. Sotsiologicheskie issledovaniya.* – 2002. – № 1. – С. 135–136. (In Russ.).

Gotovo li rossiyskoe obshchestvo k modernizatsii? [*Ready to whether Russian society modernization?*]. Pod red. M. K. Gorshkova, R. Krumma, N. E. Tikhonovoy. – M.: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2010. – 344 s. (In Russ.).

Gurko T. A. Brak i roditel'stvo v Rossii. [*Marriage and parenthood in Russia*]. – M.: Institut sotsiologii RAN, 2008. – 325 s. (In Russ.).

Gurko T. A. Reproduktivnye plany suprugov. [*Reproductive plans of the spouses*]. *J. Sotsiologicheskie issledovaniya.* – 2014. – № 9. – С. 77–85. (In Russ.).

Zhenshchina novoy Rossii: Kto ona? Kak zhivet? K chemu stremitsya? [*The woman of new Russia: Who is she? How does she live? To aspire to?*]. – M.: ROSSPEN, 2002. – 168 s. (In Russ.).

Zakharov S. Brachnost' v Rossii: istoriya i sovremennost'. [*Marriages in Russia: history and modernity*]. [Elektronnyy resurs]. *J. Demoskop-Weekly.* 2006. № 261–262. 16–29 oktyabrya 2006. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0261/tema04.php> (data obrashcheniya: 29.01.2016). (In Russ.).

Zdravomyslova O. M. Sem'ya: iz proshlogo – v budushchee. [*Family: from past to future*]. [Elektronnyy resurs]. Federal'nyy obrazovatel'nyy portal ESM. Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment. Internet-konferentsiya «Gendernye stereotipy v sovremennoy Rossii». 01.05.06–07.07.06. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16209413.html> (data obrashcheniya: 15.12.2015). (In Russ.).

Kartseva L. V. Model' sem'i v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva. [*Family model in the conditions of transformation of Russian society*]. *J. Sotsiologicheskie issledovaniya*. — 2003. — № 7. — S. 92–100. (In Russ.).

Kachestva, kotorye muzhchiny i zhenshchiny tsenyat drug v druge. [*The qualities men and women appreciate each other*]. [Elektronnyy resurs]. Levada-Tsentr. Press-vypusk ot 13.02.2015. URL: <http://www.levada.ru/13-02-2015/kachestva-kotorye-muzhchiny-i-zhenshchiny-tsenyat-drug-v-druge> (data obrashcheniya: 18.01.2016). (In Russ.).

Kozina I. M. Chto opredelyaet status kormil'tsa sem'i? [*What determines the status of the breadwinner of the family?*]. *J. Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2000. № 11. S. 83–89. (In Russ.).

Kratkie itogi vyborochnogo obsledovaniya «Sem'ya i rozhdanost'». [*What the results of the sample survey "Family and fertility"*]. [Elektronnyy resurs]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm (data obrashcheniya: 18.01.2016). (In Russ.).

Lytkina T. S. Domashniy trud i gendernoe razdelenie vlasti v sem'e. [*Domestic labour and the gender distribution of power in the family*]. *J. Sotsiologicheskie issledovaniya*. — 2004. — № 9. — S. 85–90. (In Russ.).

Mitrikas A. A. Sem'ya kak tsennost': sostoyanie i perspektivy tsennostnogo vybora v stra-nakh Evropy. [*Family as a value: the state and prospects of value choice in Europe*]. *J. Sotsiologicheskie issledovaniya*. — 2004. — № 5. — S. 65–72. (In Russ.).

Nezaregistrirovannyye braki: sem'ya i deti. [*Unregistered marriages: family and children*]. [Elektronnyy resurs]. *J. Baza dannykh FOM*. 24.07.2008. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/famil/civ_marr/d082924 (data obrashcheniya: 12.01.2016). (In Russ.).

O chem mechtayut rossiyanе: ideal i real'nost'. [*The dream of the Russians: ideal and reality*]. Pod red. M. K. Gorshkova, R. Krumma, N. E. Tikhonovoy. — M.: Ves' Mir, 2013. — 400 s. (In Russ.).

Rossiyskaya povsednevnost' v usloviyakh krizisa. [*The Russian everyday life in the crisis*]. Pod red. M. K. Gorshkova, R. Krumma, N. E. Tikhonovoy. — M.: Al'fa-M, 2009. — 272 s. (In Russ.).

Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaya. [*Russian society and the challenges of our time: the first book*]. M. K. Gorshkov [i dr.]; pod red. Gorshkova M. K., Petukhova V. V. Institut sotsiologii RAN. — M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2015. — 336 s. (In Russ.).

Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya. [*Russian society and the challenges of our time: the second book*]. M. K. Gorshkov [i dr.]; otv. red. Gorshkov M. K., Petukhov V. V. — M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2015. — 432 s. (In Russ.).

Chernova Zh. V., Shpakovskaya L. L. Molodye vzroslye: supruzhestvo, partnerstvo i rodi-tel'stvo. Diskursivnye predpisaniya i praktiki v sovremennoy Rossii. [*Young adults: marriage, partnership and parenthood. Discursive prescriptions and practices in contemporary Russia*]. *J. Laboratorium. Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*. — 2010. — № 3. — S. 19–43. (In Russ.).

Adele H. How Poverty is Pushing Families into Divorce [Electronic resource]. *J. Sydney Morning Herald Online*. March 25, 2004. URL: <http://www.smh.com.au/articles/2004/03/24/1079939718989.html> (date of access: 16.01.2016).

Asetline R. H., Kessler R. C. Marital Disruption and Depression in a Community Sample. *J. Journal of Health and Social Behaviour*. 1993. Vol. 34 (3). — P. 237–251.

Liu R. X., Zeng-yin Chen. The Effects of Marital Conflict and Marital Disruption on Depressive Affect. *J. Social Science Quarterly*. Jun 2006. Vol. 87 (2). — P. 250–271.

